УДК 801.56

А.П. Чуланова

К ВОПРОСУ О СООТНОШЕНИИ НЕРАСЧЛЕНЕННОСТИ/РАСЧЛЕНЕННОСТИ СЛОЖНОПОДЧИНЕННОГО ПРЕДЛОЖЕНИЯ И ЕГО КОММУНИКАТИВНОГО ЗАДАНИЯ

Средства связи в сложноподчиненном предложении, их взаиморасположение формируют те его структурные особенности, которые имеют прямое отношение к прагматике. В этом плане представляет особый интерес характер актуального членения рассматриваемого сложного предложения, т.е. содержание темы (данного) и ремы (нового) его структурных типов.

Основной (декларируемый как структурный) признак первого классификационного уровня сложноподчиненного предложения (СПП) – нерасчлененность/расчлененность – до сих пор является предметом дискуссий в синтаксисе [1. С. 469–470; 2. С. 34; 3]. Между тем этот признак в том виде, в каком он представлен в структурно-семантической классификации СПП [4], по существу не является специфическим для сложного предложения. Он характерен для гипотактических связей всех синтаксических уровней и зависит от типа отношений в них. Семантическая соотнесенность лишь с одним словом или способность детерминировать всю предикацию в целом свойственна и членам предложения. Так, в атрибутивных, обстоятельственных образа действия, меры, степени и объектных словосочетаниях грамматическая связь главного и зависимого компонентов в полном объеме совпадает с семантическими отношениями. Атрибут, обстоятельство образа действия, меры и степени, опираясь на внутренние свойства определяемого (соответственно субстантивного и несубстантивного), дает ему характеристику и грамматически ему подчиняется: *громкий говор; говорить громко.* Объект, восполняя идею отношения главного слова, тоже грамматически ему подчиняется: *говорить о себе.* В относительно-обстоятельственных словосочетаниях семантические отношения шире, чем грамматическая связь. Так, в предложении *Вечером он обычно говорил о делах* зависимый компонент *вечером*, подчиняясь главному слову *говорил*, семантически определяет и всю остальную часть предложения, поскольку является внешним обстоятельством предиката, не опирающимся на его внутренние свойства. Именно поэтому признак соотнесенности зависимого компонента с одним словом или со всей предикацией, коль скоро он обнаруживается и в связях слов, не может быть отличительной особенностью исключительно структуры гипотактического соединения предикативных частей.

Противопоставление нерасчлененных и расчлененных СПП, не имея единой основы в существующих структурно-семантических классификациях, не всегда выглядит абсолютно изоморфным аналогичным отношениям в простом предложении. В варианте структурно-семантической классификации В.А. Белошапковой к нерасчлененным относятся СПП с придаточными места типа *Будь* ***там, где*** *трудно* [5. С. 543], хотя придаточная часть здесь опосредованно (через дейктическое слово *там*) устанавливает семантические отношения со всей главной частью. При этом СПП типа *Будь с ним* ***потому, что*** *ему трудно* в концепции В.А. Белошапковой относятся к расчлененным структурам [5. С. 538]. Трактовка обоих указанных типов СПП Л.Ю. Максимовым как расчлененных структур кажется более последовательной [4. С. 85]. В его концепции степень расчлененности, едва ли вскрывая конструктивные особенности собственно СПП, позволяет, по крайней мере, увидеть основу подобного деления, изоморфную отношениям в словосочетании.

В ходе развития истории учения о СПП за основу классификации брались то одни, то другие признаки гипотаксиса предикативных частей. В смене взглядов очевидны две ведущие концепции: одна из них в основе имеет формальные, структурные признаки, другая – семантические. Если рассматривать типы предложений в свете языковых (семантических) форм (моделей, образцов построения единиц, их формально-семантических различий) и выражаемого этими единицами логического содержания, то становится очевидным, что логико-грамматическая классификация, с точки зрения параметров семантических форм мышления, предложенных П.В. Чесноковым [6. С. 24–45], построена на собственно отношениях между компонентами мысли, а структурно-семантическая – на системе отношений (выделении одночленных и двучленных СПП, по терминологии Н.С. Поспелова [7. С. 48]).

Тривиальность структурного признака СПП, декларируемого в качестве основного, делает характеристику отношений между предикативными частями аналогичной отношениям между компонентами простого предложения. В связи с этим трудно не согласиться с мнением о том, что логико-грамматическая классификация, четко и последовательно реализующая принцип изоморфизма придаточных частей членам предложения, содержит меньше противоречий, чем структурно-семантическая классификация. К тому же противопоставление СПП по функциональной значимости придаточных частей относительно главной части отнюдь не исключает выявления дополнительных признаков, характеризующих единицу более высокого уровня, какой является сложное предложение [8].

От подчинительных связей слов в простом предложении СПП отличаются тем, что в отношения вступают единицы, имеющие собственную предикативность, которая корректируется в границах сложного образования, формируя единый модально-временной план. Ср.: *Когда поднимается солнце, зимний снежный день превращается в сказку* и *С восходом солнца зимний снежный день превращается в сказку.*

Специфика отношений между предикативными частями, одна из которых главная, другая придаточная, обнаруживается также из сопоставления СПП и единиц вышестоящего уровня. Наиболее существенным признаком гипотактического соединения предикаций в

сравнении со сверхфразовым единством (СФЕ) является четкая сигнализация отношений между частями. По верному замечанию П.В. Чеснокова, на первом уровне восприятия СПП, благодаря его структурной организации, находятся именно отношения, а на втором – содержание предикативных частей. В СФЕ, напротив, вначале воспринимается содержание самостоятельных предложений, а затем определяются отношения между ними [6. С. 66–67].

Именно средства связи СПП, включающие коррелятивные компоненты в их различном отношении к дейксису, и их взаиморасположение формируют те его структурные особенности, которые имеют прямое отношение к прагматике. Коммуникативный аспект сложного предложения определяет перспективу его исследования. В этом плане одной из основных особенностей является характер актуального членения СПП, т.е. представление о теме (данном) и реме (новом) определенной синтаксической единицы.

Сопоставление традиционно выделяемых расчлененных и нерасчлененных минимальных конструкций дает возможность сделать вывод об отсутствии прямой зависимости между декларируемыми структурными признаками СПП (нерасчлененность/расчлененность) и его актуальным членением. Например, конструкция нерасчлененного типа с присубстантивно-атрибутивной придаточной частью <…> *И не попал он в цех задорный* ***людей, о коих*** *не сужу, затем, что к ним принадлежу* (Пушкин) и конструкция расчлененного типа с обстоятельственной каузальной придаточной частью *Она любила Ричардсона* <…> ***не потому, что*** *Грандисона она Ловласу предпочла* (Пушкин) представляют собой сходные в плане коммуникативной перспективы структуры. Их сходство определяется семантической связанностью предикативных частей, обусловленной неполнотой главной части обеих конструкций. Десемантизация несогласованного определения *людей*, переход его в слово с дейктической функцией (*людей* = *тех*) в главной части нерасчлененной присубстантивно-атрибутивной конструкции формируют её семантическую неполноту, доказательством которой является бессмысленность главной части без распространения ее придаточной частью.

Следует отметить, что нахождение указательного слова *потому* как компонента составного союза в главной части СПП расчлененной структуры служит определенным коммуникативным целям. Обычно находясь в фиксированной постпозиции, придаточная каузальная часть в коммуникативном плане выполняет функцию ремы. Часть составного союза *потому* (*оттого* и т.д.) выделяет рему, если занимает место в составе темы: *Мне грустно* ***оттого****, что весело тебе* (Лермонтов)*; Я это* ***потому*** *пишу, что уж давно я не грешу* (Пушкин). Очевидно, что и соотносительное слово в предложении с изъяснительной придаточной частью *Я сказал* ***о том****, что приеду завтра* также используется для того, чтобы подчеркнуть рему, которой является придаточное предложение.

Заметный процесс прономинализации в первой структуре (<…> *И не попал он в цех задорный* ***людей, о коих*** *не сужу, затем, что к ним принадлежу*) и наличие указательного слова во второй (*Она любила Ричардсона* <…> ***не потому, что*** *Грандисона она Ловласу предпочла*) снимают, по сути, декларируемую между ними разницу по наличию/отсутствию соотносительного слова в структурно-семантической классификации СПП.

В расчлененном СПП актуальное членение зависит от многих причин, главными из которых следует признать взаиморасположение предикативных частей и пресуппозицию предложения.

В предложении *Когда же юности мятежной пришла Евгению пора, пора надежд и грусти нежной, monsieur прогнали со двора* (Пушкин) предикативная обстоятельственная временная часть, находясь в препозиции, может выступать как тема, главная – как рема (*Когда же юности мятежной пришла Евгению пора, пора надежд и грусти нежной, // monsieur прогнали со двора*). Актуальное членение может также выглядеть следующим образом: *Когда же юности мятежной пришла Евгению пора, пора надежд и грусти нежной, monsieur // прогнали со двора.* На такой опосредованный в смысловом и синтаксическом отношении тип взаимодействия (последний пример) между синтаксическими единицами (в данном случае между словоформой «monsieur» и придаточной частью «когда же юности мятежной пришла Евгению пора, пора надежд и грусти нежной») обратил внимание П.В. Чесноков, назвав его «синтаксическим соприкасанием» [6. С. 125]. В наблюдаемом языковом явлении благодаря взаимодействию двух синтаксических единиц образуется смысловой комплекс, объединяющий оба содержания, синтаксически не связанные между собой. П.В. Чесноков, вслед за И.П. Распоповым [9. С. 119–132], указывает на то, что в один компонент актуального членения (в тему) могут входить элементы, между которыми нет непосредственного отношения, что сама «идея отношения воплощается в третьей структурно самостоятельной единице <…>, которая по отношению к сочетанию двух предшествующих синтаксических единиц, образующих тему высказывания, выступает в качестве ремы». И далее пишет: «Таким образом, в основе объединения синтаксических единиц в компоненты актуального членения – тему и рему – может лежать не только синтаксическая связь между этими единицами, он и соприкасание синтаксических единиц» [6. С. 127].

Постпозиция предикативной обстоятельственной части принципиально изменяет коммуникативное значение СПП. В нем темой оказывается *monsieur,* ремой – *прогнали* со всеми своими актуализаторами, непредикативным (*со двора*) и предикативными (*когда юности мятежной пришла Евгению пора, пора надежд и грусти нежной*), представляя собой ответ на вопрос «Что сказано о monsieur?».

Коммуникативное членение СПП «тема *Monsieur прогнали со двора,* рема *когда юности мятежной пришла Евгению пора, пора надежд и грусти нежной*» служит ответом на вопрос «Когда monsieur прогнали со двора?».

Следует подчеркнуть, что в придаточной части невозможно выделить какой-либо компонент в качестве темы или ремы, т.к. придаточная часть лишь в целом соотносится с главной, отдельные ее компоненты в рамках СПП не обладают самостоятельностью.

Предикативная обстоятельственная временная часть легко может быть свернута в обстоятельственный де-

терминант – второстепенный член предложения, который может свободно перемещаться из состава сказуемого в позицию начала предложения и соответственно принципиально изменять деление предложения на тему и рему: *Monsieur // прогнали со двора <u>в пору мятежной юности Евгения, в пору надежд и грусти нежной</u>. – <u>В пору мятежной юности Евгения, в пору надежд и грусти нежной</u> // monsieur прогнали со двора.* Детерминация подчеркнутым компонентом всей остальной части предложения как раз и осуществляется за счет того, что компонент состава сказуемого – рематической части высказывания – переместился в начало предложения, став его темой. Стремление обстоятельственного детерминанта к абсолютному началу как к сильной синтаксической позиции объясняется тем, что это «в наибольшей мере способствует сохранению центробежных тенденций», а также возможности «специализироваться» <…> на выражении темы в актуальном членении высказывания» [10. С. 276].

Помимо временных отношений, наличествующих в пушкинском тексте, между сообщениями могли бы быть установлены временные и причинные отношения с такой же синтаксической направленностью гипотактических отношений, но с иной позицией главной и придаточной частей, т.е. с препозицией главной части по отношению к придаточной: *Monsieur прогнали со двора, **когда** (**потому что**) юности мятежной пришла Евгения пора, пора надежд и грусти нежной.* Заметим, что противоположная гипотактическая зависимость предикативных частей исключается в данном случае их содержанием, т.е. невозможностью в объективной реальности ни временной, ни каузальной мотивации факта прихода юности фактом отказа от помощи слуги (если, конечно, исключить нетривиальную ситуацию, в которой речь идет о морально-нравственном созревании, связанном не столько с возрастом, сколько с отказом от помощи слуги: ***Когда** monsieur прогнали со двора, юности мятежной пришла Евгению пора, пора надежд и грусти нежной*). Предложение имеет возможность смещения каузальных отношений в сторону акцента следственных отношений между предикативными частями: *Юности мятежной пришла Евгению пора, пора надежд и грусти нежной, **так что** monsieur прогнали со двора.*

СПП нерасчлененного типа характеризуется различной степенью спаянности предикативных частей. Актуальное членение здесь зависит от особенностей структуры предложения и способов включения в текст.

Известно, что логико-грамматическая классификация, в отличие от структурно-семантической, отражает не только семантические, соответствующие объективным, отношения в действительности, но и собственно языковые отношения. Об этом свидетельствует выделение СПП с подлежащными и сказуемостными придаточными, что акцентирует предикативные отношения между составляющими его частями. Видимо, в этом случае отношения между предикативными частями оказываются обязательными и более сложными, чем при прочих соединениях, поскольку они изоморфны связи между подлежащим и сказуемым, включающей в себя и атрибутивные семантические отношения. Так, в предложении *Кто жил и мыслил, тот не может в душе не презирать людей* <…> (Пушкин) между главной и придаточной частями имеет место не только семантическое, но и предикативное отношение, что и формирует определенный тип тема-рематического членения, когда главная часть является темой, а придаточная – ремой всего высказывания. При этом тема предложения предстает в удвоенном виде – *кто жил и мыслил, тот* и местоименно-соотносительная связь между предикативными частями лишает смысла их дальнейшее актуальное членение. То же наблюдаем и в предложении *Я тот, которому внимала ты в полуночной тишине* <…> (Лермонтов), где в удвоенном виде предстает рема СПП – *тот, которому внимала ты в полуночной тишине*, что исключает дальнейшее тема-рематическое членение его предикативных частей.

Единое коммуникативное членение наблюдается в СПП нерасчлененного типа с придаточными изъяснительными: *Свет // решил, что он умен и очень мил* (Пушкин), с придаточным присубстантивно-атрибутивными: *Деревня, где скучал Евгений, // была прелестный уголок* (Пушкин), где предикативное содержание придаточной части «поглощается либо логическим субъектом, либо логическим предикатом со снятием предикативности на уровне сложной логемы [выраженной СПП] в целом» [11. С. 138–139].

Нерасчлененное обстоятельственное образа действия, меры и степени СПП *Он так привык теряться в этом, что чуть с ума не своротил или не сделался поэтом* (Пушкин) делится на тему *он привык теряться в этом* и рему *так, что чуть с ума не своротил или не сделался поэтом*. Тема – данное, исходное, известное – четко мотивируется предтекстом, в котором речь идет о состоянии беспомощности Онегина перед мукой любви, о чтении «без разбора», о мыслях, далеких от чтения, об одних и тех же видениях из прошлого. Поэтому информация о том, что *он привык теряться в этом* предстает уже в редуплицированном виде, как некий предикативный компонент, вводящий рему – новое, неизвестное, сообщающее о степени потерянности героя, который в результате затянувшегося состояния неопределенности *чуть с ума не своротил или не сделался поэтом*.

Становится очевидным, что в основе расчлененности как структурного признака СПП лежит четко выраженное отношение на стыке предикаций, а не в рамках одной из частей. В предложениях нерасчлененной структуры обязательная связь основана либо на наличии в главной части опорного слова, в семантике которого есть сема «ненасыщенного» отношения, требующего обязательного распространения придаточной частью, обозначающей факт, «в сторону которого оно направлено» [6. С. 152], либо на тождестве между поясняемой словоформой в главной части и союзным словом в придаточной. В последнем случае союзное слово является субститутом того компонента, к которому относится придаточное, и моделирует повторяемость содержания, обеспечивающую связь.

Важную роль в понимании идеи нерасчлененности/расчлененности играет расстановка коммуникативных акцентов, формирующих определенный тип темарематического членения в СПП, выражающих установленные отношения на стыке предикаций или в

рамках одной из предикативных частей (тождество «определяемое – его субститут»; распространение «опорное слово с идеей отношения – собственно распространитель»).

ЛИТЕРАТУРА

1. *Ляпон М.В.* Русская грамматика. М.: Наука, 1982.
2. *Скобликова Е.С.* Современный русский язык. Синтаксис сложного предложения. Самара, 1993.
3. *Федоров А.К.* К истории классификации сложноподчиненных предложений // Русский язык в школе. 2000. № 2. С. 83–88.
4. *Крючков С.Е., Максимов Л.Ю.* Современный русский язык. Синтаксис сложного предложения. М.: Просвещение, 1977.
5. *Современный* русский язык / Под ред. В.А. Белошапковой. М.: Высш. школа, 1981.
6. *Чесноков П.В.* Грамматика русского языка в свете теории семантических форм мышления. Таганрог, 1992.
7. *Поспелов Н.С.* О различиях в структуре сложноподчиненного предложения // Исследования по синтаксису русского литературного языка. М.: АН СССР, 1956.
8. *Дроботова Л.Л., Лыков А.В.* К вопросу о классификации сложноподчиненного предложения // Разноуровневые единицы языка и их речевая реализация. Ростов н/Д, 1997. С. 42–50.
9. *Распопов И.П.* Строение простого предложения в современном русском языке. М., 1970.
10. *Малащенко В.П., Милевская Т.В.* Детерминант: член предложения или нет? // Язык. Дискурс. Текст. Ростов н/Д, 2007. С. 274–278.
11. *Чесноков П.В.* Спорные проблемы курса «Общее языкознание». Таганрог, 1996.

Статья представлена научной редакцией «Филология» 20 сентября 2007 г.